

ПЕТРОВ ДЕНЬ В ВЯТСКОМ КРАЕ: ПОКЛОНЕНИЕ ВОДНЫМ ИСТОЧНИКАМ

14 ноября 1737 г. вышел указ Синода о борьбе с «суевериями» и «ложными чудесами». Руководство Вятской епархии в отчете от 15 мая 1739 г. докладывало Синоду об исполнении этого указа. В отчете речь шла о расследовании местных суеверных обычаев. Например, хлыновские «*тосадские женьы*» на допросе сообщили о том, как обитательницы женской богадельни в праздник Рождества Богородицы устраивают ритуальное поедание «*кур русских*», а также индеек жареных и вареных «*по обещаниям при рождении младенцов*» (известный вятский обряд Троецыплатница). Кроме того, в отчете было сказано: «...*От города Хлынова верстах в четырех при болоте имеется источник называемой нижней поток, к коему де месту издавна июня на 29 число приходят многой народ, ис коего де посланными в прошлом 1738 году поиманы при том месте мужеска (пола. — В.К.) 16, женска 8 человек, и в вятском духовном приказе женск пол допросами показали: ко оному де месту приходя они, по скаске мужеска полу, и молились и в тое воду бросали платы холцевые, денги, з головы нитки, которыми волосы привязывают, и тое воду пили и обливались и сказывали де им мужеской пол, что тут Бог есть и молились они якобы богу. И найдено в том месте хлеба куски, сыру, яйца, шапки, рубахи, платы и подчепешники*». Этот любопытный документ из столичного архива впервые частично был опубликован Д.П. Никольским в 1895 г., а гораздо позже, уже в советское время и без ссылки на заметку Д.П. Никольского — Н.Н. Покровским¹. Из статьи Н.Н. Покровского и знают о нем современные ученые.

Эти же факты отражены и в полученном вятским епископом «Указе из Святейшего Синода» от 7 июля 1739 г., который был напечатан (в числе некоторых прочих хранившихся в Вятке церковных документов) еще в 1863 г. — в книге о местном епархиальном руководстве². На эту публикацию обратил внимание будущий знаменитый русский археолог, а тогда живший в Вятке преподаватель, краевед и любитель древностей А.А. Спицын. Он предположил, что вятский обычай ходить «на Поток» весьма

древний, и сопоставил это свидетельство с отмеченным в Стоглаве обыкновением в первый понедельник Петрова поста устраивать «бесовския потехи». Основное же внимание А.А. Спицына привлек другой упоминавшийся там обряд — Троецыплатница³.

Из старинных документов нам известно о результатах рассмотрения отчета, присланного вятскими церковными властями. Н.Н. Покровский излагает это так: «Консистория настояла на поголовном наказании плетьюми всех арестованных по этим двум делам (то есть по делу о Троецыплатнице и о поклонении «богу» на Нижнем Поточе. — В.К.), провела суровую «чистку» среди обитателей богадельни и одновременно наивно пыталась засекретить все следствие. Окончательное решение по обоим делам было принято высшей светской властью: 11 июля 1739 г. Кабинет приказал Синоду проследить за наказанием всех виновных, но следствие особенно не расширять, а для прекращения поклонения источнику вообще уничтожить этот источник, засыпав его. Синод постановил расходы по засыпке источника отнести за счет местного населения. К счастью, епархиальная осведомительная система на Руси работала плохо, иначе пришлось бы засыпать немало источников, рек и озер⁴».

Благодаря А.А. Спицыну мы можем с уверенностью сказать, что уничтожить поклонение «на Нижнем Поточе» и тем более засыпать источник тогда не удалось. Да, видимо, вятские власти и не очень старались. В те годы правительство взяло курс на лютое искоренение всяких неортодоксальных религиозных проявлений, однако «гладко было на бумаге»... Легко им в Петербурге отдавать команды засыпать источник, а попробуй завали его, если там целое озеро посреди болота! Вот как обстояло дело с этим обычаем полтора века спустя (во времена А.А. Спицына): «*«Нижний Поток» или, как ныне его называют, просто «Поток» или даже «Потоп», находится невдалече от города, за Казанцевскою мельницею. Трудно сыскать это место: в настоящую пору оно представляет из себя болотистую, заросшую хвощем, полную мириадой так называемых «мормышей», болотистую лужу, в какую-нибудь сажень ширины. Только накиданный и утопанный хворост да едва заметная тропинка по направлению к с. Филейке служат посетителям признаком, по которому можно найти названный поток. Еще в недавнее прошлое сыскать «Поток» было значительно легче. Прежде, хотя во всей окрестно-*

сти потока был густой лес, зато теперешняя лужа была тогда (еще на памяти старожилов) глубоким, чистым озером, сажень в 7 ширины, в котором любили купаться соседние ребяташки. Избыток воды через небольшой проток стекал в ближайшую речку, Люльченку. Мне не удавалось побывать у потока в Петров день, когда у него из года в год собирается народ, и не могу сказать, какой характер имеют эти собрания, но зато пришлось наблюдать его в то время, когда он несомненно сохраняет свое старое значение. Это было в последних числах мая. Многие из богомольцев, ходивших на Великую реку и на обратном пути проходящие чрез Вятку, считают своею обязанностию зайти и на поток. Большинство идет из любопытства, недоверчиво, хотя и не забывает напиться грязной воды из него и положить в церковную кружку грош, да еще кто побойчее, пожалуй, спросит приставленного к кружке крестьянина: правда ли, что в воде потока виден крест погрузившейся туда с народом церкви, и правда ли, что вода его исцеляет от всех самых тяжелых болезней, сколько народ кладет денег в кружку, добываются ли из воды те монеты, которые туда бросаются богомольцами и т.п. Но есть и такие посетители, которые твердо веруют в целебную силу воды потока. Набрав в бурок воды, они моются ею, омывают больные части тела, даже обливаются ею, уходя за соседние кусты. Некоторые, сбросив с себя всю одежду и одевшись в новую, старую с молитвою бросают в воду, но чаще бросают лишь какую-нибудь часть из одежды. У кого болит голова, бросают платок, шапку, подчепешник, повязку с головы, у кого ноги — валенки, башмаки, у кого плохи глаза или лицо некрасиво — маленькое зеркальце; немало бросают денег, вероятно, чтоб жить богаче. Я нашел даже брошенную зачем-то "памятку", конечно, побывавшую в Великом селе.

Старыми и новыми рубахами, платками, валенками и всем прочим заваливается вся поверхность лужи; лучшее из брошенного вынимается в удобное время соседними крестьянами; худшее остается и продолжает заражать гнилую воду.

Народ не помнит, когда и зачем установился ход на поток, не знает, что именно тут священного. Напрасный труд спрашивать об этом и соседних крестьян, и приходящих (иногда издали) богомольцев. Крестьяне расскажут, пожалуй, невероятную историю о двух братьях-разбойниках, затонувших на месте потока; богомольцы расскажут о затонувшей церкви и об исце-

лениях, какие происходят даже от одного обещания сходить на Поток. Замечательно, что в Нолинском, Глазовском, Слободском, Орловском, Котельничском уездах о потоке можно узнать более, чем живя в самой Вятке или даже в одной из соседних деревень. На крестьян этих деревень поток, кажется, не имеет никакого обаяния»⁵.

Уроженец Вятского края и замечательный знаток вятских обычаев Д.К. Зеленин, безусловно, был знаком с этими публикациями А.А. Спицына, поскольку сам он собрал все известные к тому времени данные о Троецпылянице. В одной из своих работ начала XX в. он указывал, что «теперь, кажется, его (Нижний Поток. — В.К.) не знают»⁶.

В своей книге о культе св. Николая Б.А. Успенский, цитируя старинное свидетельство о Нижнем Поток, пишет: «Несомненно, речь идет если не непосредственно о поклонении Волосу, то о культе, генетически связанном с культом Волоса. Примечательно то, что это поклонение совершается на Петров день...» (в день апостолов Петра и Павла — 29 июня [по старому стилю]). Автор указывает на то, что Петр является мифологическим заместителем языческого Волоса, и продолжает: «ср. обычаи бросать в источник деньги, пить воду с золота, умываться (обливаться) такой водой и т.п., которые, как мы уже отмечали, связаны с культом Волоса...»⁷.

Вятская земля в те времена, о которых упоминают епархиальные документы, была глухим медвежьим углом. Даже через век-полтора не где-нибудь в далеких заброшенных деревеньках Вятской губ., а прямо в губернском центре всё еще справлялось поразительно архаичное обрядовое празднование — Свистопляска. Д.К. Зеленин отмечал: «Действительно, пожалуй, нигде в России нет такого множества оригинальных внецерковных праздников и суеверных обычаев, какое наблюдается в Вятской губернии»⁸. Тем не менее, даже и в тогдашнем Хлынове поклонение языческому божееству Волосу едва ли уже было возможно. «Бог», о котором говорили на допросе задержанные женщины, — это, конечно же, не тот самый бог Волос, что почитался некогда в Киевской Руси. Поэтому оговорка Б.А. Успенского, что тут, возможно, имеется в виду культ, генетически связанный с Волосом, а не собственно культ Волоса, выглядит вполне оправданной. Вот и Л.Н. Виноградова, упоминая про обряд на Нижнем Поток, указывает только, что «владение водной стихией приписывалось и высшим боже-ствам»⁹.

Обратим внимание прежде всего на календарную приуроченность обряда (и в этой связи на то, какими обрядовыми действиями народ отмечал Петров день), а также на сам образ святого Петра в народном восприятии.

Апостол Петр, как известно, был рыбаком. Ему, ловцу рыбы, Иисус сказал, что сделает его «ловцом человеков». По замечанию И.П. Калининского, церковь считает приличною и уместною молитву апостолу Петру как покровителю рыбного промысла, а в «Требнике» Петра Могилы есть чин на освящение новых сетей с обращением к Петру¹⁰. Вот и простой народ повсюду в России полагал, что святой Петр специализируется на рыболовстве и помогает рыбакам. А.В. Терещенко писал об этом так: «Рыбаки, закидывая свои сети, обращаются с мольбою к св. апостолу Петру, который посему называется Петром-рыболовом. Если застигает их буря на реках, то они также прибегают к нему. За избавление от опасности или за успешный улов рыбаки воссылают ему благодарения. В других местах складываются рыбаки на большую восковую свечу и ставят ее во время обедни *бывшим ловцам рыб и людей* (первым апостолам)»¹¹. По архангелогородскому побережью Петр обеспечивал улов на море¹², а в прочих губерниях России помогал рыбакам на реках и озерах. В некоторых местах России рыбаки в Петров день организовывали крестные ходы на рыболовные уголья, заключали сделки с рыбопромышленниками¹³, собирали деньги «Петру-рыболову на мирскую свечу», которую ставили в церкви перед его иконой¹⁴. На Каргополье в Петров день рыбацкие артели устраивали общую уху и «славили» «рыбных святых» Петра и Павла, чтобы те давали хорошие уловы¹⁵. Так что святой Петр естественным образом стал связываться с водной стихией — реками, ручьями, озерами, источниками. По объяснению Н.А. Криничной, с точки зрения простых русских людей, «сам Петр может рассматриваться как некое олицетворение водной стихии»¹⁶. Особенно важно заметить, что Петр — хранитель ключей от Царствия Небесного, на иконах непременно изображавшийся с ключами, — в народном представлении стал покровителем ключей-источников.

Петров день по времени близок к Ильину дню. От Ильи-пророка, громовника, ожидали дождей, грома, града. Петров день, как и другие близкие к Ильину дню праздники (например, Прокопьев день), также считался днем, когда могут быть дожди с громом. Святой Петр перенял некоторые

черты небесного громовника. Согласно народным представлениям, вода небесная, дождевая связана с водами земными и подземными: к примеру, моления о дожде обычно проходили возле рек, озер, родников. Так что Петр воспринимался как податель влаги небесной и покровитель вод земных и подземных, став в некотором роде преемником языческого Перуна.

Срок, на который приходится Петров день, — «самое хорошее время, осередь лета»¹⁷, но время это для крестьянина хлопотное: «У мужика то и праздник (в эту пору. — В.К.), что Петров день»¹⁸. И всё же самая страда начинается сразу после него. Вот и в Вятском крае говорили, что с Петрова дня — красное лето, зеленый сенокос¹⁹. Этот день завершал череду весенних обрядов: «Петров день — проводы весны»²⁰. По словам С.В. Максимова, концом весны «всегда и обычно почитается Петров день, и в некоторых местах до сих пор уберегается торжественный обычай проводов весны»²¹. Соответственно, и птицы, чей прилет и радостное пение знаменовали наступление теплой поры и начало земледельческих работ, по наблюдениям крестьян, заканчивали петь именно к этому сроку²². Вообще Петров день — значимая веха народного календаря. Вот и в некоторых местах Вятского края это был один из «главных» праздников: «Сначала праздновала в доме каждая семья, а на следующий день — на улице. Выставлялись столы, сносились сюда всё что можно съестного. Плясали вместе, смеялись»²³.

Еще в 1651 г. иконописец Григорий прислал из Вязьмы челобитную, жалуюсь на пристрастие народа к увеселениям, проходившим, в частности, в период с Петрова до Ильина дня²⁴. «Петровские гулянья отправляются почти во всей Великой России с песнями, хороводами и релыми качелями», — писал И.П. Сахаров²⁵. Эти гулянья были завершением Петровского поста, а потому сопровождалась пирушками, на которых разговлялись. Обратим внимание на то, где именно они проходили. Празднование Петрова дня, как правило, связывалось с выходом за пределы селения: отправлялись в лес за ягодами или же устраивали там обрядовую трапезу, ходили к источникам, ручьям и речкам, отправлялись за околицу на возвышенное место «караулить солнце». Разумеется, в день Петра и Павла люди собирались для обрядовых увеселений возле Петропавловских церквей (так бывало, к примеру, в Кашине и Ярославле)²⁶. Примечательно другое: гулянья проходили у воды. В Сибири пировать и весе-

литься уходили «на озеро, реку или в лес»²⁷. В том же Кашине гуляли «близ Петропавловской церкви, подле родника». В Переяславле-Залесском — в разных местах: у с. Велькова на Гремячем ручье, на Александровской горе около с. Городище, на берегу озера Клещина. В Старицах же «народ выходил на три ключа, за четыре версты от города...»²⁸. Бывало, что у родника являлась икона Петра и Павла, после чего «ходили туда старушки: собираются, молятся»²⁹. В Тюмени было народное празднование с освящением родника, которое называлось «Ключом». Оно проходило в десятое воскресенье после Пасхи — срок, близкий к Петрову дню (только не «в числах»)»³⁰.

Недавно собранные этнографические данные также показывают, что Петров день в Вятском крае был связан с природными водами, например с хождением к водоему: «в д. Першино Лузского р-на всё население шло к р. Дорофеевке, из которой брали воду и кропили ею скотину». В других местах Вятской земли кропили дом дождевой водой, выгоняя домашних насекомых-паразитов, с приговором: «Вода в дом! Клещи и тараканы вон вдоль по дорожке!»³¹. Вятчане, очевидно, почитали петровскую воду целебной и чудодейственной.

На Нижнем Потоке бросали в воду деньги и другие предметы, воду пили и обливались ею. Б.А. Успенский полагает, что эти действия: обычай бросать деньги в источники, признаваемые целебными или чудотворными, обыкновение умываться от «дурного глаза» и прочих «уроков» с золота (денег), а также пить с золота воду для исцеления³² — равнозначны тем, которые связаны с культом Волоса. В Кашине, по свидетельству И.П. Сахарова, молодые у родника веселились, а старики умывались его водою «для здоровья». В Старицах на ключах народ веселился и пил воду³³. Убеждение в том, что вода может даровать здоровье, было широко распространено. Оно отразилось, в частности, и в традиционных формулах благопожеланий, например при обливании, при хлестании свяченой вербой (ср.: со свадебными пожеланиями быть здоровым или крепким, «как вода»³⁴). Верили в целебные свойства росы на весенний Юрьев день³⁵.

Обрядовые действия вятчан в Петров день сходны с известной ученым картиной поклонения воде у славян. Обычным было приношение источникам, ручьям, рекам, озерам жертв (в древности — даже и человеческих, а вообще — кур и петухов, хлеба, каши и прочих яств), бросание денег, омо-

вление и т.п. Расхожим было и убеждение, что в воде обитает бог (боги) или некий дух³⁶. Только едва ли этого водного обитателя можно считать «высшим богом». Скорее, это персонаж низшей мифологии — вроде водяного. Вот и в приводимых А.А. Спицыным народных рассказах о Нижнем Потоке речь идет о таких «хранителях» священного места, как братья-разбойники или же люди, находившиеся в церкви, когда она провалилась под воду. Очевидно, допрошенные вятскими церковными властями женщины пытались представить свое поклонение на Нижнем Потоке как дело вполне православное, богоугодное и имели в виду христианского Бога. Правда, на всякий случай валили всё на мужчин, дескать, это те им говорили, будто «тут Бог есть».

Согласно народным поверьям о водяном, ему тоже требовались приношения. Жертвами водяному могли представляться утонувшие люди; ему жертвовали пойманную рыбу, домашних птиц, телят, овец, свиней, хлеб да соль, сотовый мед и пчелиные рои; бросали в воду табак, лапти и портянки; а наиболее часто ему дарили лошадей (живых или мертвых) либо лошадиный череп³⁷. Одним из сроков, когда водяной был особенно опасен и требовал себе жертв, являлся Петров день³⁸. В Полесье знали, что на Петров день и около этого срока река Сож непременно забирает в жертву Богу людей, и потому в этот день не купались, чтобы не утонуть³⁹.

Подношение к источнику денег (как и ленточек, тряпочек, предметов одежды) в таком контексте, очевидно, являлось способом задобрить «водного хозяина» — оно аналогично кормлению, жертвоприношению. Деньги, продукты питания, ленточки, тряпочки, предметы одежды — всё это обычные, хорошо известные этнографам приношения к местным святыням: родникам, колодцам, крестам, камням, часовням, деревьям, могильникам⁴⁰. Но в воду бросали предметы одежды и «для здоровья». Меняли старое, снятое с больного тела, на новое, и снятую одежду, запечатлевшую в себе хворь и немощь, отдавали воде. Вода уносила ее, перенимая болезнь (вода [или водный дух] могла напускать болезнь, а значит, могла и исцелять, забирая ее).

Очевидно, в далеком прошлом гулянье на Петров день было преимущественно девичьим и женским праздником народного календаря. Еще в XVII в. иностранные наблюдатели удивлялись тому, что москвиты, которые обычно держали своих жен запертыми, около Петра дня позволяли женам и дочерям ходить на луга: «Там они кача-

ются на круглых качелях, поют особенные песни, сводятся одна с другою за руки, водят круги и пляшут с рукоплесканиями и притоптывают ногами»⁴¹. В более поздних этнографических материалах также есть указания на инициативную, лидирующую роль девок и молодух в обрядах и обрядовых игрищах Петрова дня. В Медини на Петров день женщины и девушки с угощением ходили к льняному полю проводить обряд, стимулирующий рост посевов. В тверских деревнях девушки на полях жгли костры, собирали травы, чтобы с их помощью во сне увидеть суженого, гуляли всю ночь⁴². В Сибири, на Ангаре «девицы... в сопровождении парней уходят на озеро, реку или в лес "варить ейца", разговляться... и веселиться вволю». Затем веселье продолжалось и в самом селении при участии молодух и молодоженов. Уличное «девьё веселье» возобновлялось и на следующий день⁴³. «Петров день считается девичьим праздником», — подытоживают исследователи народного календаря Сибири⁴⁴. Вот и в обряде карауления солнца и наблюдения за тем, как оно «играет», ведущая роль тоже обычно бывала у «сельских девушек», у «поселянок»⁴⁵.

По мнению С.В. Максимова, «обычай караулить солнце первоначально был установлен с целью отогнать от села русалок, которые в Петров день своими злыми шалостями причиняли немало вреда посевам»⁴⁶. Это, разумеется, чересчур поспешный вывод, поскольку, как известно, такое обрядовое действие бывало приурочено к самым разным календарно-праздничным датам. Однако русалки действительно имели отношение к этому дню. В Орловской губ. в Петров день девицы и парни ходили в лес, устраивали там взаимное угощение, плели венки и пели хороводные песни, но далеко в лес заходить боялись, опасаясь русалок⁴⁷. Иногда говорили, что русалки выходят на сушу (обычно — на Троицу) и остаются там «в течение всего лета», «до Спаса», «до глубокой осени»⁴⁸. По свидетельству И.М. Снегирева, русалки «с Троицына дня или с Семика до Петрова дня странствуют по земле, витают в лесах...»⁴⁹. В Полесье говорили, что русалки «ходят» в Петровки (во время Петровского поста)⁵⁰. Считалось также, что русалки пребывают на земле вплоть до Петровского заговенья или до Петровского поста⁵¹. На Рязанщине в Петров день «провожали русалку», наряжаясь «русалками», то есть в старые и чудные одежды⁵². Иногда жители Рязанской земли, а также белорусы Черниговской губ. справляли обряд развивания

семицких венков — и это также называлось «проводами русалок»⁵³. На Петров пост приходились разнообразные формы обрядовых «проводов русалок»⁵⁴. Русалкам подносили холсты и нитки, развешивая это всё на ветвях растущего у воды дерева — вербы, ивы, плакучей березы. А для исцеления от болезни (которая обычно понималась как напущенная злой силой пагуба) купались в реках, прудах, источниках и оставляли на прибрежных кустах и деревьях полотнца и сорочки. Уже А.Н. Афанасьев и Н.М. Гальковский сопоставляли эти сходные обрядовые действия⁵⁵. А с березой — деревом, которое девушки завивали и заламывали на Семик-Троицу, были связаны и некоторые вятские обычаи Петрова дня. Так, в Лузском р-не на Петров день заготавливали банные веники⁵⁶: ломали березу, правда с прагматичной целью банного хлестания, а не ради девичьего праздника. Да и упомянутое выше окропление дома для изгнания насекомых производилось березовой веткой. По свидетельству В.И. Даля, «на Петра девки крестят кукушку (кумятся за яичницей в лесу; замоск.)»⁵⁷. Кумление и завивание венков на березе в Петров день отмечено также в Белоруссии и в русском городе Валдае⁵⁸. Обрядовые действия, связанные с завиванием и развиванием венков, кумлением, «крещением кукушки», с защитой от русалок — это всё типичные девичьи (и шире — женские) обряды. И то, что они могли приурочиваться к Петрову дню, подтверждает предположение о важной роли девушек и женщин в обрядах и играх Петрова дня.

Иногда к Петрову дню и сразу после него (а также к Духову дню и к Ивану Купала) бывал приурочен сугубо женский⁵⁹ календарный профилактический обряд опаживания («изгнания смерти») ⁶⁰. Такая календарная приуроченность связана, быть может, с тем, что в обрядовых действиях Петрова дня (как и Иванова дня) заметны апотропеические мотивы (оберегание от ведьм, изгнание ведьм и т.п.). Однако тут имело значение, вероятно, еще и то, что на Петров день лидирующая роль во многом принадлежала именно женщинам.

Разумеется, на петровских гуляньях присутствовали и парни. Праздник был коллективным, обычно на него сходились люди из нескольких окрестных селений. Эти гулянья, главным образом молодежные, были приурочены к сроку летнего солнцеворота, ко времени полного раскрытия плодоносных сил природы. В разных местах России они могли проходить на Иванов день, в заговенье Петрова поста, в течение этого по-

ста или в Петров день (которым пост завершался), или же в девятую или десятую пятницу после Пасхи. Всё это близкие по времени даты. Так, во Владимирской губ. весенние гулянья проходили от Пасхи до Троицы, «большие же гулянья — в заговенье перед Петровым постом»⁶¹. В разных местах Прикамского края молодежные гулянья в заговенье накануне Петрова поста носили различные наименования, причем парни обыкновенно присоединялись к девушкам не сразу⁶². В Вятском крае это заговенье называлось Яичным или же Луговым. В с. Мокине в праздник Лугового заговенья проходили массовые гулянья молодежи на лугах возле речки Гремячки с песнями, частушками, плясками, хороводами⁶³. Каковы бы ни были конкретные местные сроки, но по России это народное празднование чаще всего называлось *петровками* (или *петровщиной*) и *пятницей*, хотя известны и такие названия, как *игрище*, *гульбище*, *толпище*, *метище*⁶⁴. В связи с молодежными «игрищами» надо заметить, что тот же корень выявляется в терминах, которыми обозначались действия русалок (ведь их активностью отмечено то же самое время года). Срок появления русалок в разных местах восточнославянского мира назывался *Грязной неделей*, *Розыграми*, *Розгарами*, *Переграми* — словами, обозначающими игры. Русалки «играли»: качались на ветвях деревьев, водили хороводы, ели-пили возле деревьев, плескали в ладоши, смеялись, «гукали», зазывали к себе молодежь⁶⁵. Полесские русалки любили музыку и танцы⁶⁶. «Некоторые русалки празднуют Купалу подобно людям», — отмечал Д.К. Зеленин⁶⁷. А.В. Терещенко писал: «В Сибири думают, что русалки во время русальной недели играют с парнями и девушками или, по тамошнему выражению, *декуются*. В прочих местах России бывает гулянье под именем русального»⁶⁸. Так что эти действия русалок очень походят на то, что бывало на молодежных весенне-летних игрищах. Вот и солнце на Петров день (как и на Ивана Купала, а иногда и во время других значимых весенне-летних празднований) «играет».

Нередко петровские гулянья сопровождалась насильственным купанием или обливанием. В исповеди, помещенной в сборнике XVIII в., отмечен обычай обливаться водой и «куповать» других в Великий четверг, на Ивана Купала и в Петров день⁶⁹. В Весьегонске Тверской губ., по словам С.В. Максимова, «вечером в день заговенья на Петровский пост ... разрешается всякого, проходящего по улице, обливать

из окон водой вполне безнаказанно, и если осмотрительный и догадается ходить по середине улиц, то все-таки и здесь он подвергается опасности: из-за ближнего угла на него налетает кучка молодежи с ведрами, наполненными, на лучший случай, колодезной водой, а то и квасом и даже квасной гущей»⁷⁰. Обычно в таких случаях парни обливали девушек — в Моршанском у. Тамбовской губ. это случалось в первый день Петровского поста⁷¹. Такие молодежные развлечения с обливанием водой очень схожи с подобными же действиями на Ивана Купалу⁷². Купание на Петров день, подобно купанию в Ивановскую ночь, могло сопровождаться игрой парней и девок: «Девки парни купали. Закрошься в амбаре, всё равно найдут и в реку бросят»⁷³. Обливание водой (также бросание в воду человека, антропоморфного чучела) некогда имело значение вызывания дождя. На Рязанщине в заговенье Петровского поста парни обливали девушек, а рано утром, после окончания ночного гулянья-игрища, люди ходили на кладбище и там молили Бога о дожде⁷⁴. Во время Петровского поста и в сам Петров день, как и в Ильин день, ожидали дождя: «*Перед Новым годом буря — на Петров день дождь*»; «*Петров день без дождя не живет*»; «*До Петровок ведро — с Петровок дождь*»; «*На св. Петра дождь — урожай нехудой; два дождя — хороший; три — богатый*»⁷⁵.

С образом святого Петра в народе связывалось представление о траве, которую именовали «петров крест». И искали эту траву не только в Иванов день, как все прочие чародейные растения, но и в Петров день⁷⁶. По свидетельству А. Харитоновой, «женщинам, мучающимся месячными очищениями, дают эту траву с хлебом»⁷⁷. Н.А. Криничная в этой связи пишет «о некоторой соотнесенности этого растения с женским детородным началом, смысл которой, в сущности, уже утрачен...»⁷⁸. Такая магико-медицинская специализация травы «петров крест» ставит ее в ряд тех чудодейственных растений, которые собирались людьми на Ивана Купалу. Во время отмеченного любовно-эротической символикой купальского праздника, по словам С.В. Максимова, в большом употреблении был «специальный корень, носящий несколько рискованное название и предназначенный для снятия «порчи» с молодых»⁷⁹. Впрочем, трава «петров крест» вообще была сильнодействующим средством: она спасала от колдунов и нечисти, на юге Вятского края ее могли применять и для того, чтобы покойник не «приходил»⁸⁰.

Петровские увеселения молодежи, очевидно, восходят к древнейшим, языческим в своей основе предбрачным игрищам. Недаром им свойственна символика «всеобщего брака»⁸¹. Причем именно для купальско-петровских игрищ, приуроченных к летнему солнцевороту, характерна активность и даже доминирование женского начала⁸². Молодежные гулянья бывали и на Святках — это тоже время солнцеворота, только зимнего. Т.А. Бернштам, исследовавшая народную обрядовую игру в мяч (такая игра отмечена, в частности, на петровских гуляньях), высказала предположение, что «фольклорная и игровая символика мяча / шара находится в круге переживаний древних брачных форм со свободным выбором, а возможно, и некоторой женской инициативой в период солнцеворота»⁸³. В связи с явной эротическо-свадебной подоплекой летних молодежных игр и гуляний, когда допускались вольности в общении парней и девушек, следует обратить внимание на тамбовское поверье, будто купание на Петров день очищает «от любодейных грехов»⁸⁴. Это напоминает широко распространенное убеждение, что, окунувшись в ледяную прорубь на Крещение, смоешь с себя грех нечестивого святочного ряженья. И как Крещением заканчиваются Святки, так и Петров день замыкает череду летних обрядовых игрищ.

Д.К. Зелениным были специально исследованы обычаи, связанные с Петровым днем и Петровским постом в Вятском крае. В г. Котельниче в заговенье перед Петровским постом справлялся праздник Всех святых, на котором девушки играли и водили хоробы куда больше, чем даже на Троицу. Причем там же бывали и своеобразные «выставки невест». Одновременно в г. Вятке устраивался «девичий праздник», на котором парни приглядывались к девушкам. Подобное же празднование с «выставкой страдочек (жней)» ежегодно бывало в Котельниче еще раз — в первое воскресенье после Петрова дня, а в с. Молотникове — прямо в Петров день. Д.К. Зеленин связывал эти вятские праздники с похожим на них новгородским празднованием, которое случалось в первую пятницу Петровского поста и тоже сопровождалось «смотром невест»⁸⁵. В близкий по времени срок своеобразная «выставка невест» бывала в XIX в. даже в столице Российской империи. А.В. Терещенко оставил красочное ее описание, которое начинается так: «Странное сохранилось донныне обыкновение в Петербурге. Спустя неделю после первого Воскресенья

от Троицы молодые люди выбирают себе невест в Летнем саду»⁸⁶.

Часто такие «девичьи смотрины», «смотрины невест», «ярмарки невест» устраивались на Крещение. После Крещения вплоть до масленицы обычно и справлялись свадьбы. Нередко девушки-невесты на Крещение выстраивались возле «иордани». Сама эта связь смотрины и брачного сговора с водой, колодезем, источником не случайна и весьма архаична⁸⁷. Важно отметить, что крещенская вода в «иордани» — это вода святая, так что «иордань» — нечто вроде святого источника, у которого проводились обряды поклонения воде в летнюю пору.

На Мезени и на Зимнем берегу Поморья наряду с разнообразными летними играми и гуляньями были и особые гулянья с примечательным названием «петровщина» (хотя они проходили и в другие сроки — от Пасхи до Ильина дня). Они представляли собой серию танцев для девушек и недавно вышедших замуж женщин. По мнению Т.А. Бернштам, у такого обычая изначально мог быть ритуальный смысл. Видимо, это реликт древнего обрядового действия, связанного с возрастной группой девушек-невест и молодых. Из такого рода обрядовых девичье-женских празднеств могли развиться «смотрины невест»⁸⁸. Подобное же действие бывало и в Твери. Там в первое воскресенье после Петрова дня (в те же самые сроки, что и «выставка страдочек» в Котельниче) в Тресвятском саду возле речки Лазури бывало вечернее ярилино игрище с особой пляской — «бланжой». Мещанки разрешали своим дочерям сходить туда «поневеститься»⁸⁹.

Интересно, что сходный обычай, приуроченный к Петрову дню, отмечен у румын. Из всех ярмарок Петрова дня особенно известной была ярмарка, устраиваемая в первое воскресенье после Петрова дня на горе Гэинь. Туда съезжались девушки, привозя с собою на телегах свое приданое. Собирались и парни — свататься, сговариваться о свадьбе. Эту ярмарку называли «девичьим базаром»⁹⁰. Кстати, ярмарки на Петров день устраивались и в России, причем повсеместно.

Как уже отмечалось, на Вятке к Петрову дню иногда бывал приурочен обряд изгнания насекомых. В Малмыжском у. Вятской губ. выведение клопов бывало в заговенье Петровского поста⁹¹. В Каргополье избавлялись от клопов и тараканов, а в Северном Белозерье от паутов на Петров день⁹². В Зарайском у. похороны мух и других насекомых бывали в заговенье Петров-

ского поста⁹³. Известно, что очищение дома от клопов, мух и тараканов в разных местностях России проводили также на Ивана Купалу и на Ильин день⁹⁴ — обряды и поверья Иванова дня и Ильина дня вообще сходны с петровскими. Чаше такой обряд проводился 1 сентября (по старому стилю), когда начиналось «бабье лето». По наблюдению П. В. Шейна, в центральных губерниях России «совершение этого обряда лежит большей частью на обязанности прекрасного пола, считается преимущественно девичьим праздником»⁹⁵. И. П. Сахаров указывал, что в Серпухове в то время, когда девушки хоронят мух, «выходят женихи смотреть невест»⁹⁶. Известно, что девушки, изводя насекомых, принаряжались⁹⁷. Так что похороны или изгнание насекомых 1 сентября могли сопровождаться чем-то вроде «смотров невест». Выходит, что подобное же сочетание изгнания насекомых со «смотром» либо «ярмаркой» невест присуще и летнему периоду Петровок.

Реконструируемый любовно-эротический характер петровских гуляний находит подтверждение еще и в том, что в некоторых местах России именно на это время года приходились оргиастические обряды, связанные с Ярилой. Ярилины гулянья, праздники Ярилы, «ярилки» обычно проходили в заговенье Петровского поста, порою растягиваясь на несколько дней и захватывая уже собственно пост (а иногда и период после поста)⁹⁸. В Нижегородском крае Ярилино празднование иногда называли «девичьим заговеньем»⁹⁹ — это указывает на значительную роль девушек и на то, что некогда на этом праздновании бывали «смотры невест». На «ярилках» также обливались и бросали друг друга в воду. Преосвященный Тихон Задонский, обличая Ярилино празднество (которое в Воронеже в XVIII в. продолжалось от заговенья до вторника Петровского поста), указывал: «А иные праздник сей, как я от здешних людей слышу, называют игрищем»¹⁰⁰. Судя по народной песне из Тульской губ., «игрищем» именовали «Ярилу» и там¹⁰¹. Этим же словом, как известно, обычно называли петровские гулянья. Об «игрищах», которые случались в заговенье Петровского поста и в первый понедельник поста, сообщается в Стоглаве: «*В первый понедельник Петрова поста в роци ходят и в наливки (название урочища в Москве. — В. К.) бесовские потехи деяти. И о том ответ. Чтобы православные хрестьяне в понедельник Петрова поста в роци не ходили и в наливках бы бесовских потех не творили,*

и от того бы в конец престали, понеже то все еллинское беснование и прелесть бесовская, и того ради православным хрестьяном не подобает таковая творити» (глава 41, вопрос 27). В другом месте Стоглава обличаются «еллинское беснование, различные игри и плескание», которыми на Руси отмечали Рождество, Новый год, Крещение, Ивана Купалу. Затем говорится: «*А инде иным образом таковая непотребная дела творят в троцкую субботу. И заговев Петрова посту в первый понедельник, ходят по селом и по погостом, и по рекам на игрища. Тая же неподобная еллинская беснования творят...*». Потом разъясняется, чем вместо этого следует заниматься в дни христианских праздников православным людям. И далее: «*...По священным правилом и по заповеди святых отец отныне и впредь православным хрестияном на таковая древняя еллинская беснования не исходити ни во градех, ни по селом, ни по рекам...*» (глава 92)¹⁰² (выделено мною. — В. К.). Кроме того, празднование Ярилы сходно с обрядами Купалы, а также с проходами весны, русалок, похоронами кукушки, Костромы, Кострубоньки и т. п.¹⁰³. В Нижегородском крае в близкие, почти совпадающие сроки праздновали Ярилу и «проводы весны» (на этих «проводах» «хоронили» либо «провожали» Весну, Строму, Соловушку, бабушку Варвару, рядили и выпроваживали «кобылку», «лошадиную голову») ¹⁰⁴. На первый понедельник Петрова поста обычно приходился также украинский обряд изгнания и похорон коршуна (он назывался «гонити шуляка»). Обряд это женский, с ярко выраженной ритуальной эротикой, он очень похож на другие украинские и полесские обряды: вождение «стрелы», «тополи», «куста»¹⁰⁵. Все эти обряды, как правило, представляли собой проводы-похороны антропоморфного чучела. В Саратовской губ. на Петров день тоже носили с песнями наряженную соломенную куклу, которую затем бросали в реку¹⁰⁶. Не раз уже обращалось внимание, что такого рода обрядовые действия проводились исключительно или преимущественно девушками и женщинами¹⁰⁷.

Так что любовно-эротическая сторона петровских молодежных гуляний (возможно, некогда неразрывно связанная с похоронно-поминальной) в этом контексте представляется не случайной и весьма архаичной. Все эти игрища явно восходят к многодневным языческим обрядовым празднествам, приходившимся на пик годовой солнечной активности и вегетации растений. 97

Установившийся как раз в этот сезон Петровский пост нарушал хронологическое и смысловое единение древних обрядовых действий. Однако знаменательно, что даже и в позднейшие времена некоторые «бесчинства» и «бесовские потехи» проводились не только в заговенье (напоминая тем самым масленицу), но также и в течение поста.

Еще А.Н. Афанасьев отмечал, что ярилины праздники могли иметь отношение к упоминаемым в летописях языческим обрядам бракосочетания¹⁰⁸. Это те самые «игрища между сель», где славяне в древности «умыкали» жен¹⁰⁹. Как известно, такое часто случалось «у воды». Кроме того, невесту «водили к воде», жених с невестой трижды объезжали вокруг озера (что считалось равносильным вступлению в брак)¹¹⁰. В XI в. митрополит Иоанн писал, что «простые люди» вместо венчания в церкви придерживались брачного обряда «плескания водою»¹¹¹. У семейских Забайкалья на Петров день устраивались гулянья «на меже», куда ходила молодежь нескольких сел — и это напоминает те самые древнерусские «игрища»¹¹². Учитывая всё это, следует отметить, что, согласно данным, собранным в 1983 г. в с. Залазне Омутнинского р-на Кировской обл. этнографической экспедицией МГУ, свадьбы в этом уголке Вятского края чаще всего играли на Петров день, на Рождество и на Оспожинки (Успенский пост и Успенье)¹¹³. Празднование свадеб зимою (на Рождество) в России бывало повсеместно. Традиционным свадебным сроком была также и осень. Осенне-зимние бракосочетания в целом характерны и для Вятского края¹¹⁴. Кое-где в России свадьбы игрались и в августе, на Оспожинки: это бывало в соседней с Вятским краем Нижегородчине. И приурочение свадеб к Петрову дню в общем-то не уникально. Такое бывало в Нижегородском крае¹¹⁵. Кроме того, там играли свадьбы в Успенье и в летний мясоед¹¹⁶. При этом имеются и противоположные свидетельства. На Среднем Урале собиратели записали: «Летом не делают свадьбу. Если летом свадьбу делают, ведь люди идут и говорят: *лентяй женится, а зануда замуж идет*»¹¹⁷. Или вот запись, сделанная в Костромской обл.: «Я выходила (замуж. — В.К.) в Петровки. Про меня так и говорили: «Рыжая молодая-то». Значит, безо времени выходжу»¹¹⁸. Такое же суждение, что в Петровки «вясилля не робять», отмечено в Полесье¹¹⁹. Правда, в этих свидетельствах речь идет о Петровском посте, а не о Петровом дне,

которым пост заканчивался. В посты, конечно, старались свадьбы не справлять. Приурочение свадеб к Петрову дню в одном из дальних мест Вятского края может быть связано с тем, что именно этот летний период некогда изобиловал эротическими игрищами, обрядами и обычаями.

Среди прочего на Нижний Поток приносили и сыр. А в Лузском р-не Кировской обл. Петров день был отмечен и такой интересной особенностью: «В этот день был такой обычай — возить жениху сыр. Теща напечет всего, нажарит, сделает сыр, пирог с рыбой, яиц покрасит. Теща должна подарить зятю 101 яйцо. Свекру и свекрови тоже дарили яйца. Невестина родня в этот день ездила в гости к жениху. Если к кому теща не придет с подарками, над ним шутили: ребята на кулижную борону насадят всякого тряпья, банок старых, лепешек коровьих сухих и везут ему. Запрягутся в эту борону и везут к дому. Этот парень, которому привезли, должен был дать на откуп бутылку. Если не дает, то всё это у него перед домом скидывали»¹²⁰. Нечто подобное известно и в других местностях. И.П. Сахаров писал, что на Петров день «на Ваге и в Вельском уезде тещи приносят почетный сыр своим зятям, во второй год бракосочетания. Зять угощает тещу при сборе всех родных». А «в Тульской губернии сваты со стороны жениха угощали сватов ужином, что называлось у них отводным столом»¹²¹. В сборнике Кирши Данилова есть скабрёзная старинная песня, в которой запечатлен этот же обычай: «*А и теща, ты теща моя, / А ты чертова перешиница! / Ты поди, погости у мене!*» / *А ей и выехать не на чем. / Пешком она к зятю пришла, / А в полог отдыхать легла / Она в жары петровския*» и т.д. (выделено мною. — В.К.)¹²². В Костромской обл. не теща приходила в Петров день к зятю, а наоборот, молодые ходили «по сыр» к матери жены: «Пекли булочки, варили сыр, друзья и подруги старались в этот день искупать невесту, облить водой»¹²³. Обрядовый пирог — «сыр» (из муки с добавлением творога) — пекли в этот день и в Северном Белозерье¹²⁴. Ватрушками в этот день угощали пастухов¹²⁵. Небольшие круглые сырники из творога пекли в Петров день и на Украине. Их называли «мандриками», и про кукушку, которая прекращала куковать к этому сроку, говорили: «*Зозуля подавилась мандрикою*»¹²⁶. В Югославии на Петров день тоже готовили сыр, одаривали им тех, кто ходил с факелами в обрядовых процессиях, а также ели его

сами¹²⁷. Сыр был ритуальной едой, употреблявшейся на предсвадебной помолвке и во время свадьбы, а также на других обрядах, связанных с чадородием (например, при «рожаничных трапезах») — упоминания об этом есть в старинных русских текстах¹²⁸. Использовался сыр и во время «сырной недели» — масленицы, когда тоже было много связанных с молодоженами обрядов. В Полесье отмечено масленичное девичье гадание о замужестве с использованием сыра¹²⁹. Обычай ходить с «сыром» является разновидностью действий, которыми в других местностях России завершали свадебный обрядовый цикл. Чаще всего такое бывало на масленицу. В Нижегородском крае это называли «ходить с отвязьем» или «отвязываться» и делали не только на масленицу, но, как и на Вятке, в Петров день¹³⁰. Примечательно, что завершающие свадьбу обрядовые действия Петрова дня проходили, несмотря на то что перед этим был пост.

Все эти игрища и обрядовые действия указывают на древность такой приуроченности и свидетельствуют о том, что в дохристианскую эпоху во время летнего солнцеворота заключались браки. Мнение о купальско-петровском сроке языческих свадеб высказывалось уже давно¹³¹. К нему иногда осторожно присоединяются и современные ученые¹³². О.А. Терновская в своих исследованиях реконструировала приуроченный к летнему солнцевороту мифологический сюжет, связанный с темой свадьбы¹³³. И.А. Морозов указал на связанные с древнейшими браками обрядовые игры на тему свадьбы, которые закреплены за троичко-купальским периодом и Петровским заговеньем¹³⁴. Отметим в этой связи и такой мотив обрядовых песен Петрова дня: кукушка перестала куковать — девица перестала косу заплетать¹³⁵. Символика расплетенной косы очевидна — замужество.

И всё же сейчас летний солнцеворот в качестве древнего свадебного срока почти не упоминают. Прямых указаний на свадьбы, которые игрались бы в этот срок, мало¹³⁶. Немногочисленность таких сведений понятна: речь идет о реконструкции обычаев древнейших, к тому же подвергшихся воздействию установленного христианством поста. Однако выявление новых фактов такого рода, а также приуроченность к этому сроку эротических игрищ и связанных со свадебным циклом обрядов дают основание еще раз внимательно исследовать эти данные.

Видимо, всё это допускает возможность существования давней традиции справлять

свадьбы летом. Выявляемые при анализе девичьих семицко-троицких обрядов элементы женских инициаций хорошо соответствуют такому допущению: после инициации девушки-невесты готовы к браку, и затем, во время летнего солнцеворота они уже могли участвовать в игрищах с парнями. А святочные обряды зимнего солнцеворота, которые, очевидно, сохраняют реликты инициаций мужских, открывали период зимних свадеб, когда получали право жениться парни. Зимний мясоед, долгий и не прерываемый, в отличие от лета, постами, не связанный с таким напряжением сил, как летняя страда, естественным образом стал самым популярным временем свадеб. При этом совершенно ясно, что и осенние сроки, и встречающиеся до сих пор иногда весенние тоже весьма архаичны. В глубокой древности, разумеется, не могло быть повсеместной и жесткой приуроченности свадеб к четко определенному сезону. Можно говорить лишь о большей или меньшей распространенности бракосочетаний в течение того или иного календарного периода. Во всяком случае срок летнего солнцеворота допустимо считать одним из них.

Поклонение на Нижнем Потоке походит на известные по всей России обряды и обычаи Петрова дня, связанные с символикой воды. Только в отличие от них оно не было столь распространенным молодежным гуляньем либо преимущественно женско-девичьим празднованием. Интересно, что оно имеет много общего с обрядами поклонения водным источникам, бывавшими в Вятском крае и в окрестных землях, особенно у марийцев и удмуртов. Следует, в частности, обратить внимание на примечательное обыкновение праздновать Петров день, которое было и остается до нашего времени у веками живущих бок о бок с русскими на Вятке и на Каме удмуртов. Этот календарный срок был древним временем свадеб¹³⁷ и праздником земли и зелени, в который устраивалось общедеревенское моление с жертвоприношением бычка или барана, бывало ряженье. Проводились обрядовые игры, в которых принимали участие главным образом девушки и холостые парни. Для девушек участие в празднике было обязательным. Иногда во время праздника в воду бросали молодых женщин. Соответственно, в обрядовых игрищах и в поверьях присутствовал мотив «священного брака». Как пишет В.Е. Владыкин: «Цель этого обрядового цикла довольно прозрачна: устраивая самые разные "сюаны" (свадьбы), когда на первое место выступали отношения мужского и женского начал, мо-

тив брака, идея многочисленного потомства, удмурт-земледелец стремился магическим путем воздействовать на умножение плодородия самой земли, отношения людей проецировались на отношения в природе»¹³⁸.

Так что резонно было бы поставить вопрос о влиянии коренных народов на культурную практику и Нижнего Потока, и некоторых иных обрядов и обычаев. Однако проблема межэтнического взаимовлияния в сфере народной духовной культуры, как и проблема происхождения примечательных особенностей некоторых старинных вятских празднеств, обрядов и поверий, безусловно, требует дальнейшего серьезного изучения.

Примечания

¹ *Никольский Д. П.* Куретница // Живая старина. 1895. Вып. 4. С. 495—496; *Покровский Н. Н.* Документы XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам // Советская этнография. 1981. № 5. С. 98—99.

² Иерархия Вятской епархии, составленная ректором Вятского духовного училища, протоиереем Герасимом Никитниковым. Вятка, 1863. С. 202—205.

³ *Стицын А. А.* Каталог древностей Вятского края // Календарь Вятской губернии на 1882 г. Вятка, 1881. С. 67—68; *Он же.* Вятская старина // Календарь Вятской губернии на 1885 г. Вятка, 1884. С. 18—22.

⁴ *Покровский Н. Н.* Документы XVIII в. об отношении Синода к народным календарным обрядам. С. 98—99.

⁵ *Стицын А. А.* Вятская старина. С. 20—22.

⁶ *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии: (Этнографический и историко-литературный очерк) // *Зеленин Д. К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре. 1901—1913. М., 1994. С. 76.

⁷ *Успенский Б. А.* Филологические разыскания в области славянских древностей: (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982. С. 81, прим. 94.

⁸ *Зеленин Д. К.* Народные присловья и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. С. 75.

⁹ *Виноградова Л. Н.* Вода // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М., 1995. С. 385.

¹⁰ *Калинский И. П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. М., 1990. С. 143—144. «Молитва святым апостолам Петру и Павлу как хошеши рыбы ловить» помещена среди прочего в «суеверную книжицу», составленную, вероятно, где-то на Русском Севере около 1730 г. и озаглавленную так: «Собрание нужнейших статей на всякую потребу» (*Смилянская Е. Б.* «Суеверная» книжица первой половины XVIII в. из библиотеки Казанского университета // Живая старина. 1994. № 2. С. 34).

¹¹ *Тереженко А. В.* Быт русского народа. Ч. 6 и 7. М., 1999. С. 31.

¹² *Афанасьев А. Н.* Поэтические воззрения славян на природу. Т. 1. М., 1994. С. 411—412.

¹³ *Коринфский А. А.* Народная Русь: Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа. Смоленск, 1995. С. 296.

¹⁴ *Максимов С. В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903. С. 477.

¹⁵ *Трофимов А. А.* Ритуально-магическая практика рыбаков Каргопольского района Архангельской области // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчины в традиционной культуре / Сост. И. А. Морозов, отв. ред. С. П. Бушкевич. М., 2001. С. 57. У рыбаков на Ангаре в Петров день устраивалась праздничная семейная трапеза со свежесвыловленной красной рыбой. Угощаясь ухой, обращались с почтительным «пригласьем» к Петру и Павлу. А. А. Макаренко, записавший этот обычай, весьма похожий на каргопольский, считал его уникальным, сохранившимся только в Сибири (*Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь. Новосибирск, 1993. С. 66). Коллективные трапезы в Петров день случались и в Вятском крае. На Ильин или на Петров день приносили в жертву быков либо баранов. Поутру их резали, варили, делили и ели. Как правило, это были обетные животные: их заранее выделяли, посвящая Илье или Петру, — в тех случаях, когда скот подыхал или не плодился. Затем их выращивали и в праздник закалывали (*Сорокин П.* Чудь Кайского края. Вятка, 1895. С. 47—49). Братчины с жертвоприношением быка или барана, которые чаще всего были приурочены к Ильину либо к Петрову дню, известны во многих местах России — и у русских, и у других народов. Каргопольский обычай общей ухи мог сложиться в том числе и под их влиянием.

¹⁶ *Крипичная Н. А.* Петров крест — символ рыбацкого счастья // Русская речь. 1998. № 5. С. 90.

¹⁷ Нижегородские христианские легенды / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. М. Шеваренковой. Нижний Новгород, 1998. С. 15.

¹⁸ *Сахаров И. П.* Сказания русского народа: Народный дневник. Праздники и обычаи. СПб., 1885. С. 94.

¹⁹ *Иванова А. А., Поздеев В. А.* Обряды и обрядовая поэзия Вятского края // Энциклопедия Земли вятской. Т. 8: Этнография, фольклор / Сост. В. А. Поздеев. Киров, 1998. С. 307.

²⁰ *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 3. М., 1993. С. 504. См. также: *Забьлин М.* Русский народ: Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880. С. 85.

²¹ *Максимов С. В.* Крылатые слова. М., 1955. С. 383.

²² *Даль В. И.* Пословицы русского народа. Т. 3. С. 504; *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997. С. 687—688.

²³ *Бердшиных В. А.* Россия и русские: (Крестьянская цивилизация в воспоминаниях очевидцев). Киров, 1994. С. 54.

²⁴ *Гальковский Н. М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. Харьков, 1916. С. 326.

²⁵ *Сахаров И. П.* Сказания русского народа. С. 95.

²⁶ Там же.

²⁷ *Макаренко А. А.* Сибирский народный календарь. С. 67.

²⁸ Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 95.

²⁹ Нижегородские христианские легенды. № 101. К сожалению, не отмечена календарная приуроченность этого почитания.

³⁰ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. М., 1956. С. 122.

³¹ Вятский фольклор: Народный календарь / Под ред. А. А. Ивановой. Котельнич, 1995. С. 114.

³² Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. С. 62—63.

³³ Сахаров И. П. Сказания русского народа. С. 95.

³⁴ Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Потебня А. А. I. О некоторых символах в славянской народной поэзии. II. О связи некоторых представлений в языке. III. О купальских огнях и сродных с ними представлениях. IV. О доле и сродных с нею существах. 2-е изд. Харьков, 1914. С. 54; Толстой Н. И. Здрав као риба // Толстой Н. И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995. С. 409—410; Агапкина Т. А., Виноградова Л. Н. Благопожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1994. С. 171, 191, 199, 204; Они же. Благопожелание // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1 / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. С. 189.

³⁵ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 3. С. 488—489. См. также: Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов: XIX — начало XX в. М., 1979. С. 175.

³⁶ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1994. С. 206—211.

³⁷ Левкиевская Е. Е., Усачева В. В. Водяной // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1 / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. С. 399; Русский демонологический словарь / Авт.-сост. Т. А. Новичкова. СПб., 1995. С. 102—110; Власова М. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 1998. С. 96, 100—106.

³⁸ Власова М. Русские суеверия. С. 104.

³⁹ Толстая С. М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю: К — П // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1986. С. 219.

⁴⁰ Панченко А. А. Исследования в области народного православия: Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб., 1998. С. 82—104.

⁴¹ Калинин И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси. С. 141; Забылин М. Русский народ... С. 84.

⁴² Круглый год: Русский земледельческий календарь / Сост., вступ. ст. и примеч. в тексте А. Ф. Некрыловой. М., 1989. С. 264.

⁴³ Макаренко А. А. Сибирский народный календарь. С. 67.

⁴⁴ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков / Сост. Ф. Ф. Болонев, М. Н. Мельников. Новосибирск, 1978. С. 259.

⁴⁵ (Глаголев А. Г.) Старинные хороводные праздники // Вестник Европы. 1821. Ч. 115. № 3. С. 198; Забылин М. Русский народ... С. 86.

⁴⁶ Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крест-

ная сила. С. 479. Ср. также: Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии: Умершие неестественною смертью и русалки. М., 1995. С. 194; Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 253.

⁴⁷ Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 4 и 5. С. 242.

⁴⁸ Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Т. 1. Ч. 1: Бытовая и семейная жизнь белоруссов. СПб., 1887. С. 197; Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 6 и 7. С. 74; Виноградова Л. Н. Мифологический аспект полесской «русальной» традиции // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1986. С. 99—100.

⁴⁹ Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4. М., 1839. С. 7.

⁵⁰ Виноградова Л. Н. Мифологический аспект... С. 98—99; Толстая С. М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. С. 219.

⁵¹ Терещенко А. В. Быт русского народа. Ч. 6 и 7. С. 78; Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 176 (также и с. 238), 195, 244—247.

⁵² Слетцова И. С. Из рязанского этнодиалектного словаря: Русалка // Живая старина. 1996. № 4. С. 6.

⁵³ Афанасьев А. Н. Происхождение мифа: Статьи по фольклору, этнографии, мифологии. М., 1996. С. 303; Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 249—250, 274—275, 287—288. Случалось, что завивание березки происходило в Егорьев день, а развивание — в Петров день (Зернова А. Б. Материалы по сельскохозяйственной магии в Дмитровском крае // Советская этнография. 1932. № 3. С. 26); в некоторых селах Рязанщины «завивание венков» бывало приурочено к Петровскому (иначе — «Русальскому») заговенью (Морозов И. А., Слетцова И. С. «Завивание венков» в Шацком районе Рязанской области // Живая старина. 1999. № 3. С. 10).

⁵⁴ Зеленин Д. К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 244—247; Виноградова Л. Н. Мифологический аспект... С. 110—111.

⁵⁵ Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения... Т. 3. М., 1994. С. 78; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. С. 65—66.

⁵⁶ Вятский фольклор: Народный календарь. С. 114; Иванова А. А., Поздеев В. А. Обряды и обрядовая поэзия Вятского края. С. 307. Ср.: «Веники готовили до Петрова дня» (Востриков О. В. Традиционная культура Урала: Опыт этноидеографического словаря русских говоров Свердловской области. Вып. 1: Народный календарь. Екатеринбург, 2000. С. 83); в Прикамском крае «в Петров день старались идти в лес ломать веники» (Сны, приметы, загадки, поговорки / Сост. И. А. Подюков. Пермь, 1994. С. 25).

⁵⁷ Даль В. И. Пословицы русского народа. Т. 3. С. 504.

⁵⁸ Соколова В. К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 252. 101

См. также: *Веселовский А.Н.* Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности: (Хронологические гипотезы) // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. Ч. 291. Февраль. С. 315—316.

⁵⁹ *Попов Г.* Русская народно-бытовая медицина: (По материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева). СПб., 1903. С. 191.

⁶⁰ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 264—265. Ср.: *Журавлев А.Ф.* Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. М., 1994. С. 109.

⁶¹ Быт великорусских крестьян-землепашцев: Описание материалов Этнографического бюро князя В.Н. Тенишева: (На примере Владимирской губернии) / Авт.-сост. Б.М. Фирсов, И.Г. Киселева. СПб., 1993. С. 74.

⁶² *Чагин Г.Н.* Окружающий мир в мировоззрении русских крестьян Среднего Урала. Пермь, 1998. С. 111—115.

⁶³ *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 245—246; *Бердинских В.А.* Россия и русские... С. 61—62, 64, 79; *Канева Т.С., Шевченко Е.А.* Фольклорная экспедиция в Нагорский район Кировской области (летом 1997 г.) // Вестник Сыктывкарского университета. Серия 8: История, филология, философия. 1999. Вып. 3. С. 212.

⁶⁴ *Бернштам Т.А.* Мяч в русском фольклоре и обрядовых играх // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов: Сб. науч. трудов / Под ред. Б.Н. Путилова. Л., 1984. С. 167—168.

⁶⁵ *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 190—192, 202—203, 246—247; *Морозов И.А.* Отрок и сиротинушка: (Возрастные обряды в контексте сюжета о «похищенных детях») // Мужской сборник. Вып. 1: Мужчина в традиционной культуре. М., 2001. С. 65—66.

⁶⁶ *Виноградова Л.Н.* Мифологический аспект... С. 104.

⁶⁷ *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 271.

⁶⁸ *Терещенко А.В.* Быт русского народа. Ч. 6 и 7. С. 81.

⁶⁹ *Гальковский Н.М.* Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. С. 96.

⁷⁰ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 244.

⁷¹ Там же.

⁷² *Дражева Р.Д.* Обряды, связанные с охраной здоровья, в празднике летнего солнцестояния у восточных и южных славян // Советская этнография. 1973. № 6. С. 112—113.

⁷³ *Востриков О.В.* Традиционная культура Урала: Опыт этноидеографического словаря... Вып. 1. С. 83.

⁷⁴ *Морозов И.А.* Игрище // *Морозов И.А., Слепцова И.С., Гилярова Н.Н., Чижикова Л.Н.* Рязанская традиционная культура первой половины XX века: Шацкий этнодиалектный словарь. Рязань, 2001. С. 189—190.

⁷⁵ Календарно-обрядовая поэзия сибиряков. С. 258; *Востриков О.В.* Традиционная культура

102 Урала: Опыт этноидеографического словаря...

Вып. 1. С. 83; Сны, приметы, загадки, поговорки. С. 22; *Толстая С.М.* Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. С. 218; *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Т. 3. С. 503.

⁷⁶ Фольклорные сокровища Московской земли: Обряды и обрядовый фольклор / Ред. коллегия: В.М. Гацак, В.М. Бахтин, Т.М. Ананичева. М., 1997. С. 199; *Крипичная Н.А.* Петров крест — символ рыбацкого счастья. С. 88; *Терещенко А.В.* Быт русского народа. Ч. 4 и 5. С. 273.

⁷⁷ *Харитонов А.* Врачевание, забавы и поверья крестьян Архангельской губернии, уездов: Шенкурского и Архангельского // Отечественные записки. 1848. Т. 58. Отд. 8: Смесь. С. 15.

⁷⁸ *Крипичная Н.А.* Петров крест — символ рыбацкого счастья. С. 89.

⁷⁹ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 476.

⁸⁰ *Забылин М.* Русский народ... С. 431—432; *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 476; *Ермолов А.С.* Всенародная агрономия. М., 1996. С. 321; *Крипичная Н.А.* Петров крест — символ рыбацкого счастья. С. 89; *Верещагин Г.Е.* О народных средствах врачевания в связи с поверьями // *Верещагин Г.Е.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3: Этнографические очерки. Кн. 1. Ижевск, 1998. С. 168; *Ясинская М.В.* Поверья о покойниках в Уржумском районе // Живая старина. 1998. № 3. С. 48.

⁸¹ *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX — начала XX в.: Половозрастной аспект традиционной культуры. Л., 1988. С. 178—179, 228, 236 — 237. Эротическая сторона обрядов, справлявшихся в заговенье и во время Петровского поста, отмечена в работе Т.А. Агапкиной (*Агапкина Т.А.* Эротический аспект троично-купальской обрядности // Русский эротический фольклор / Сост. и науч. ред. А.Л. Топоркова. М., 1995. С. 251—255).

⁸² *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни... С. 65, 266, 269—270.

⁸³ *Она же.* Мяч в русском фольклоре... С. 170.

⁸⁴ *Максимов С.В.* Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 479. Это поверье можно сравнить с записанным в Сибири заговором от зачатия, в котором в качестве магических помощников призываются «Петры-Павлы» (*Макаренко А.А.* Сибирский народный календарь. С. 68, прим. 1).

⁸⁵ *Зеленин Д.К.* К вопросу о ходе древнейшей русской колонизации в Вятский край // *Зеленин Д.К.* Избранные труды: Статьи по духовной культуре. С. 151—163. См. также: *Панченко А.А.* Исследования в области народного православия. С. 120, 172. Правда, Д.К. Зеленину было известно совсем не много примеров таких вот «ярмарок невест». Сейчас же ясно, что этот обычай был широко распространен. Он отмечен во многих областях России, в том числе и в соседних с Вятским краем. Да и на Вятке в Кикнурской волости бывала такая «ярмарка», приуроченная ко Крещению. Так что выводы Д.К. Зеленина относительно хода колонизации из Новгородчины на Вятку, сделанные на основе изучения новгородско-вятских «выставок невест», нуждаются в перепроверке и уточнении.

⁸⁶ Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. 6 и 7. С. 117.

⁸⁷ См. об этом: Грачева И. «Выйду ль я на реченьку...» // Наука и религия. 2001. № 1. С. 28—29.

⁸⁸ Бернштам Т.А. Девушка-невеста и предбрачная обрядность в Поморье в XIX — начале XX в. // Русский народный свадебный обряд: Исследования и материалы / Под ред. К.В. Чистова и Т.А. Бернштам. Л., 1978. С. 55—56.

⁸⁹ Забылин М. Русский народ... С. 82—83; Сахаров И.С. Сказания русского народа. С. 213.

⁹⁰ Салманович М.Я. Румыны // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники / Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1978. С. 251.

⁹¹ Осокин С.М. Народный быт в Северо-Восточной России: Записки о Малмыжском уезде (в Вятской губернии) // Современник. Т. 60. 1856. С. 7.

⁹² Кастина М., Мороз А., Шведов Г. Материалы Каргопольской экспедиции РГГУ // Живая старина. 1996. № 1. С. 49; Милюхина Е.А. Петров день // Морозов И.А., Слепцова И.С., Островский Е.Б., Смольников С.Н., Милюхина Е.А. Духовная культура Северного Белозерья: Этнодиалектный словарь. М., 1997. С. 267 (в последней статье речь идет о дне Петра и Павла, но он ошибочно назван днем памяти преподобного Петра Афонского).

⁹³ Шейн П.В. Обряд похорон мух и других насекомых // Изв. Импер. Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском ун-те. Т. 28 (Тр. Этнографического отд. Кн. 4). М., 1877. С. 20—21.

⁹⁴ Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. С. 474; Макашина Т.С. Илья-пророк в народных представлениях и фольклоре восточных славян // Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. В.К. Соколова. М., 1982. С. 96.

⁹⁵ Шейн П.В. Обряд похорон мух... С. 20.

⁹⁶ Сахаров И.П. Сказания русского народа. С. 118.

⁹⁷ Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. 4 и 5. С. 305.

⁹⁸ Там же. С. 276—278; Забылин М. Русский народ... С. 82—83; Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1995. С. 227—240; Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. С. 41—42; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 250—252; Иванов В.В., Топоров В.Н. Ярила // Славянская мифология: Энциклопедический словарь / Науч. ред. В.Я. Петрухин, Т.А. Агапкина, Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая. М., 1995. С. 397—399.

⁹⁹ Новые поступления в фольклорный архив Нижегородского университета: Календарные обряды. 1983 — 1996 / Сост. К.Е. Корепова, Ю.М. Шеваренкова. Нижний Новгород, 1997. С. 137.

¹⁰⁰ Фаминцын А.С. Божества древних славян. С. 232.

¹⁰¹ Там же. С. 233.

¹⁰² Российское законодательство X—XX вв. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства /

Отв. ред. А.Д. Горский. М., 1985. С. 310, 367—368.

¹⁰³ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... Т. 3. С. 724—728; Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси. Т. 1. С. 41—42; Зеленин Д.К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. С. 251—288; Гришкова Н.П. Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области // Советская этнография. 1947. № 1. С. 178—184; Крюкова Т.А. «Вождение русалки» в селе Оськине Воронежской области: (По материалам экспедиции Государственного музея этнографии 1936 г.) // Там же. С. 190—191; Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб., 1995. С. 97—101, 141—143; Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. С. 251—252, 255.

¹⁰⁴ Библиографический указатель материалов фольклорного архива кафедры русской литературы ГГУ. Вып. 2: Обряды и обрядовый фольклор. Ч. 1 / Сост. К.Е. Корепова, Ф.С. Эйдельман. Горький, 1977. С. 55—56; Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы ГГУ. 1976 — 1982 гг.: Календарные обряды. Ч. 1 / Сост. К.Е. Корепова. Горький, 1982. С. 82—83, 97—101; Корепова К.Е., Белоус Т.И. Обряды «проводов весны» в быту современной деревни: (По материалам Горьковской обл.) // Советская этнография. 1985. № 4. С. 88—95; Новые поступления в фольклорный архив Нижегородского университета. С. 135—137; Смирнов Д.В. Весенняя обрядность в Нижегородской области // Живая старина. 1998. № 2. С. 12—14.

¹⁰⁵ Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. С. 543—553.

¹⁰⁶ Снегирев И.М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 4. С. 65. Ср.: Забылин М. Русский народ... С. 85.

¹⁰⁷ Гришкова Н.П. Обряд «вождение русалки» в селе Б. Верейка Воронежской области. С. 178—184; Зилинский О. Из истории восточнославянских народных игр (Кострома — Коструб) // Русский фольклор. Т. 11: Исторические связи в славянском фольклоре. М.; Л., 1968. С. 208; Смирнов В.А. Обряд «крещения» и «похорон кукушки» и купальская обрядовая поэзия восточных славян // Русский фольклор. Т. 20: Фольклор и историческая действительность. Л., 1981. С. 70.

¹⁰⁸ Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения... Т. 1. С. 445—446.

¹⁰⁹ Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956. С. 190—191.

¹¹⁰ Сулцов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских // Сулцов Н.Ф. Символика славянских обрядов: Избранные труды. М., 1996. С. 9—10, 82—86; Гура А.В. Брак // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 1 / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. С. 244—245.

¹¹¹ Козаченко А.И. К истории великорусского свадебного обряда // Советская этнография. 1957. № 1. С. 59.

¹¹² Болонев Ф.Ф. Народный календарь семейских Забайкалья (вторая половина XIX — начало XX в.). Новосибирск, 1978. С. 87.

¹¹³ Сведения записаны от супругов В.А. Ша-

харбеева и А.А. Шахарбеевой (оба — 1905 г.р.). Род Шахарбеевых, как и других коренных жителей села, прибыл в эти места из центральной России в 1771 г. Благодаря вятского этнографа, краеведа и журналиста В.К. Семибрата, который был участником той экспедиции, за возможность пользоваться этими материалами, сохранившимися в его личном архиве. См. также: *Семибратов В.К. Этнографы на омутнинской земле // Семибратов В.К. Трифонова обитель: Заметки краеведа. Киров-на-Вятке, 1999. С. 66.*

¹¹⁴ По сведениям из с. Истобенского Орловского у. Вятской губ., из сотни браков 77 заключались в январе и феврале, 19 — в октябре и ноябре, тогда как только 4 — в остальные месяцы года (*Поздеев В.А. Свадебный обряд и его поэзия // Энциклопедия Земли вятской. Т. 8: Этнография, фольклор / Сост. В.А. Поздеев. Киров, 1998. С. 314.*)

¹¹⁵ См., например: Новые поступления в фольклорный архив кафедры русской литературы ГГУ. 1977—1982 гг.: Свадебный обряд / Сост. К.Е. Корепова, Т.И. Белоус. Ч. 3. Горький, 1984. С. 130, 133.

¹¹⁶ Там же. Ч. 1. Горький, 1983. С. 10; Ч. 3. С. 133, 139, 140.

¹¹⁷ *Востриков О.В. Традиционная культура Урала: Опыт этноидеографического словаря... Вып. 2: Народная свадьба. Екатеринбург, 2000. С. 10.*

¹¹⁸ Свадебные ритуалы в Нейском районе Костромской области // *Живая старина. 1999. № 3. С. 36.*

¹¹⁹ *Толстая С.М. Полесский народный календарь. Материалы к этнодиалектному словарю. С. 219.*

¹²⁰ Вятский фольклор: Народный календарь. С. 114; *Иванова А.А., Поздеев В.А. Обряды и обрядовая поэзия Вятского края. С. 307.*

¹²¹ *Сахаров И.П. Сказания русского народа. С. 94.*

¹²² Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. 2-е доп. изд. / Подг. А.П. Евгеньева, Б.Н. Путилов. М., 1977. С. 216. См. также с. 213 — 214.

¹²³ Свадебные ритуалы в Нейском районе Костромской области. С. 37.

¹²⁴ *Милюхина Е.А. Петров день. С. 267.*

¹²⁵ *Терещенко А.В. Быт русского народа. Ч. 6 и 7. С. 31.*

¹²⁶ Там же. Ч. 4 и 5. С. 242. См. также: *Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 3. С. 504; Прислів'я та приказки: Природа. Господарська діяльність людини / Упорядник М.М. Пазяк. Київ, 1989. С. 393. Жареные круглые сырники «мандрики» делали в Херсонской губ. в день освящения хлебов из нового урожая (*Терновская О.А. Лексика, связанная с обрядами жатвенного цикла: (Материалы к словарю) // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста / Сост. и отв. ред. Т.М. Судник, Т.В. Цивьян. М., 1977. С. 98.*)*

¹²⁷ *Кашуба М. Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Летне-осенние праздники / Отв. ред. С.А. Токарев. М., 1978. С. 212.*

¹²⁸ См., к примеру: *Козаченко А.И. К истории великорусского свадебного обряда. С. 67; Гура А.В. Из севернорусской свадебной терминологии: (Хлеб*

и пряники — словарь) // *Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста / Сост. и отв. ред. Т.М. Судник, Т.В. Цивьян. М., 1977. С. 137, 147; Пушкарева Н.Л. Женщины Древней Руси. М., 1989. С. 72, 94.*

¹²⁹ *Агапкина Т.А. Очерки весенней обрядности Полесья // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья / Отв. ред. Н.И. Толстой. М., 1995. С. 35.*

¹³⁰ *Лодыгин К.В. Обряды, связанные с молодоженами, в нижегородском масленичном комплексе // Живая старина. 1998. № 2. С. 4.*

¹³¹ *Сумацов Н.Ф. О свадебных обрядах, преимущественно русских. С. 58—59; Веселовский А.Н. Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности. С. 287—318; Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 397; Лепер Е.Р. Южновеликорусский обряд «караулить солнце» // Этнография. 1928. Кн. 6. № 2. С. 48, 64.*

¹³² См., например: *Бернштам Т.А. Мяч в русском фольклоре... С. 167, 170.*

¹³³ *Терновская О.А. Божья коровка или ночь накануне Ивана Купалы: (Соотношение микро- и макроструктур) // Славянское и балканское языкознание: Структура малых фольклорных текстов / Отв. ред. С.М. Толстая, Т.В. Цивьян. М., 1993. С. 41—55; Она же. Божья коровка и народный календарь: Заметки по истории культуры // Мифологические представления в народном творчестве / Ред.-сост. П.Р. Гамзатова, О.А. Пашина. М., 1993. С. 50—69.*

¹³⁴ *Морозов И.А. Игры народные // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 2 / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М., 1999. С. 382; Он же. Женитьба добра молодца: Происхождение и типология традиционных молодежных развлечений с символикой «свадьбы» / «женитьбы». М., 1998. С. 311—321, 326—327.*

¹³⁵ А.Н. Веселовский знал о таком обыкновении у «турецких сербов», а также указывал, что свадьбы на Петров день справлялись на Сицилии (*Веселовский А.Н. Гетеризм, побратимство и кумовство в купальской обрядности. С. 318.*) И.И. Земцовский ссылаясь на устное свидетельство О.С. Гребенщикова о том, что в горных селах Македонии в 1920 — 1950-х гг. все свадьбы каждого года игрались разом — в Ильин день (*Земцовский И.И. К проблеме взаимосвязи календарной и свадебной обрядности славян // Фольклор и этнография: Обряды и обрядовый фольклор / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л., 1974. С. 150.*) Символика обрядовых действий и поверий двух этих близких по времени праздников сходна.

¹³⁶ Русский календарно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Песни. Заговоры / Изд. подготовили Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников, Н.В. Леонова. Отв. ред. тома Т.Г. Леонова (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 13). Новосибирск, 1997. № 335.

¹³⁷ *Верещагин Г.Е. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1: Вотяки Сосновского края. Ижевск, 1995. С. 40, 63; Т. 2: Вотяки Сарапульского уезда Вятской губернии. Ижевск, 1996. С. 115.*

¹³⁸ *Владыкин В.Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск, 1994. С. 103. См. также: с. 192—193, 243—244.*